

АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 94(47) ББК 63.3(2) DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.008

А. Г. Гуськов

ИРИ РАН, Москва, Россия. guskov-andrei@mail.ru

С. М. Шамин

ИРИ РАН, Москва, Россия. shaminy@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧИКИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В 1680–1690-Х гг.

Статья посвящена переводчикам Посольского приказа. Хронологические рамки – последние десятилетия XVII в. Рассмотрены вопросы происхождения переводчиков и их численности за указанный период, владения ими иностранными языками, участия в различных видах работ (переводы дипломатической документации или газет, книжные переводы и т. д.). Проанализирована кадровая политика. Динамика изменения количественного состава показана во взаимосвязи с трансформацией внутренней и внешней политики правительства. Анализ проводился как по служащим центрального ведомства, находившимся в столице государства, так и по командированным в приграничные города – Архангельск, Новгород, Псков, Смоленск, Азов. Авторы приходят к выводу, что в 1680–1690-х гг. руководство страны придерживалось в отношении переводчиков Посольского приказа политики жесткой экономии средств и сдерживания роста штатов. Это приводило к острой нехватке переводчиков даже на важнейших дипломатических направлениях.

Ключевые слова: Российское государство, XVII век, переводчики, Посольский приказ, иностранные языки

История Посольского приказа имеет давнюю традицию исследования. Данная тема стала предметом анализа еще в классической работе С. А. Белокурова в 1906 г. [Белокуров]. Общая характеристика деятельности и состава персонала дипломатического ведомства за весь период его существования приведена в монографии Н. М. Рогожина [Рогожин, с. 141]. Период начала XVII столетия проанализирован Д. В. Лисейцевым [Лисейцев]. Время правления царя Михаила Федоровича стало объектом научных интересов Б. А. Куненкова [Куненков], а время правления царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича – А. В. Беякова [Беяков]. В каждой из этих работ проблеме приказных переводчиков уделялось значительное внимание. Подробное исследование персонального состава и профессионального уровня переводчиков греческого языка в первой половине XVII в. проведено З. Е. Оборновой [Оборнева].

Наименее изученным оказался вопрос о работе переводчиков в последнее двадцатилетие XVII в. Этот период выходит за хронологические рамки специальных публикаций ученых школы Н. М. Рогожина, чьи исследования проводились в XXI в. В работе же С. А. Белокурова интересующая нас проблема затронута лишь в самых общих чертах. И хотя биографиям

отдельных переводчиков, работавших в 1680–1690-х гг., посвящено немало статей¹ и даже монографий², какого-либо аналитического обобщения пока не проводилось. Наше исследование призвано заполнить эту лакуну.

В первую очередь необходимо решить вопрос о численности приказных переводчиков. При подсчетах общего числа переводчиков за конкретный период существует несколько проблем. Главная из них состоит в том, что привычного для нашего времени понятия штатного расписания, которое точно отражало бы структуру учреждения и функциональные обязанности сотрудников, не существовало. Из регулярно (до нескольких раз в год) составляющихся обобщающих документов в нашем распоряжении есть только различные ведомости о выдаче жалованья. Главный их недостаток состоит в том, что переводчики, которых откомандировывали из приказа на длительное время, из этих ведомостей выпадали. Б. А. Куненков прямо отмечал: «Данные “росписи” денежных окладов относительно персонального состава служащих на каждый очередной год не согласуются друг с другом» [Куненков, с. 143].

Пропуски в зарплатных ведомостях в первую очередь касаются специалистов, командированных в пограничные города – Новгород, Псков, Архангельск и Смоленск. Им платили из местных бюджетов. Однако исключать этих переводчиков из подсчетов было бы неправильно, поскольку они сохраняли организационную связь с Посольским приказом, в отличие от тех переводчиков, которые выполняли аналогичные функции в Сибири или в Казани, а также от переводчиков, перешедших в ведение других приказов – Малороссийского, Разрядного, Иноземского или Аптекарского. Таким образом, анализируя штатную численность переводчиков Посольского приказа, мы включаем в подсчеты специалистов, работавших в Москве, отправленных за рубеж с посольствами, прикомандированных к полкам или выполняющих другие, ограниченные по времени задания, а также тех, кто длительное время работал в порубежных городах.

По наблюдениям Д. В. Лисейцева, между 1613 и 1622 гг. общая численность переводчиков колебалась от 16 до 29 человек [Лисейцев, с. 159]. Б. А. Куненков для 1630 г. отмечает 26 переводчиков, а для 1640 г. – 17 [Куненков, с. 144]. При этом очевидно, что такие изменения напрямую связаны с внешнеполитической активностью России. По данным А. В. Беякова, во второй половине 1640-х гг. численность переводчиков, с учетом находящихся в отъезде, колебалась от 23 до 26, в 1650-е гг. – от 19 до 25, в 1660-е гг. – от 22 до 31, а в 1670-е гг. – от 23 до 31. При этом часть находившихся в городах переводчиков могла оказаться неучтенной [Беяков, с. 104, 107–109]. Очевидно, что активная внешняя политика, проводимая правительством царя Алексея Михайловича, заставляла постепенно расширять приказной штат.

Со времени начала правления царя Федора Алексеевича число переводчиков начало постепенно уменьшаться. В качестве гипотезы можно предположить, что определенную роль в сокращении числа посольских переводчиков сыграла отставка главы приказа боярина А. С. Матвеева в июле 1677 г., а также уменьшение объема финансирования ведомства, вызванное временным выведением из-под его юрисдикции четвертных приказов. По нашим данным, общее число переводчиков сократилось до 22 человек к 1680 г. Оно оставалось стабильным до 1689 г. С точки зрения международной ситуации сокращение числа переводчиков можно объяснить тем, что после потери Чигирина в 1678 г. московские власти взяли курс на завершение войны с Османской империей (Бахчисарайский мир 1681 г.). В целом международная активность России в этот период падала. Однако любопытно, что и назначение руководителем приказа

¹ См., например: [Белоброва, 1978; Лаврентьев; Лукичев; Гуськов, Майер, 2019б; Шамин, 2019а], а также статьи в четырех частях третьего выпуска (XVII в.) Словаря книжников и книжности Древней Руси (см. ниже) и краткий справочник: [Беяков и др.].

² Например: [Урсул; Юркин; Boterbloem] и др.

известного своим интересом к западной культуре и литературе В. В. Голицына не привело к увеличению числа приказных переводчиков. Не оказала заметного влияния на приказные штаты и начавшаяся в 1686 г. активизация внешней политики России, а также последующее вступление в войну против Османской империи.

Принципиальные перемены произошли после того, как в результате переворота 1689 г. к власти пришло правительство царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Московские власти начали проводить политику, призванную уменьшить влияние Запада в России. Последовали указы, ограничивающие присутствие иностранцев. Так, по настоянию патриарха Иоакима в октябре 1689 г. из России выслали иезуитов Иржи Давида и Тобиаша Тихавского, находившихся в Москве по согласованию с цесарем, союзником России в войне с Османской империей [Андреев, с. 10]. 4 октября 1689 г. в столице торжественно сожгли по обвинению в ереси и богохульстве арестованного еще при Голицыне немецкого мистика К. Кульмана, а также покровительствовавшего писателю купца Р. Нордермана [Панченко, с. 330]. Ссылка на «дело Кульмана» присутствовала в указе от 29 октября, который отменял сделанные при Софье послабления для въезжавших в Россию иноземцев [Цветаев, с. 149–150]. Эта мера затрагивала интересы курфюрста Бранденбургского, который в начале 1689 г. добился от московских властей согласия на свободный въезд в Московское государство французских беженцев-гугенотов³. Теперь же тем, кто желал попасть в столицу, полагалось ожидать в порубежных городах специального разрешения [Цветаев, с. 149–150]. При этом пострадали и шведские купцы, которые получили право проезда во внутренние районы России еще по договору о вечном мире. Добиться восстановления нарушенных прав своих подданных шведской короне удалось лишь к январю 1691 г. [Мулюкин, с. 260].

Видимо, в этом ряду мер находился и указ 31 октября 1689 г., который сокращал численность приказных переводчиков на 7 человек. Решение было принято на заседании Боярской думы. К мероприятию была подготовлена справка о составе данной категории служащих Посольского приказа в разные годы. По сведениям этой справки, в 1664/1665 г. при думном дьяке Алмазе Иванове и дьяке Ефиме Юрьеве в приказе числилось 16 человек, в 1669/1670 г. при боярине А. Л. Ордине-Нащокине «переводчиков розных языков» было 19 человек, а в 1671/1672 г. при боярине А. А. Матвееве – 22 человека. С 1676/1677 по 1682/1683 г. (при думном дьяке Ларионе Иванове, а также за годы регентства царевны Софьи) численность переводчиков, судя по справке, оставалась равной 22⁴.

Сразу отметим, что указанные в справке цифры были верными лишь для последних лет руководства приказом дьяка Л. Иванова и для периода, связанного с В. В. Голицыным. Так, в 1664/1665 г. в приказе работало 26 переводчиков, в 1671/1672 г. – также 26, а в 1676/1677 г. – 27 человек [Беляков, с. 108–109]. Выше уже отмечалось, что ведомости на выдачу жалованья зачастую дают неполные списки переводчиков. Вряд ли при составлении справки численность приказных переводчиков преднамеренно фальсифицировали, хотя, при желании, сотрудники Посольского приказа, вне всякого сомнения, могли бы найти и более полные списки. Это заставляет нас выдвинуть предположение о том, что в сокращении штатов был заинтересован и сам приказ, у которого появлялась возможность экономить имевшиеся в его распоряжении ресурсы.

В справке отмечалось, что «лишних» переводчиков сыскалось шесть человек, однако думский указ по факту потребовал сократить семерых: «198-го октября в 31 день великие

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 3. 1689–1699. С. 8–9.

⁴ РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем – (коллекция) из фонда Посольского приказа). Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 37–44.

государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, слушав докладные выписки, что в прошлых годах каких чинов в государственном Посольском приказе у их государственных дел было, указали по имянному своему великих государей указу и бояре приговорили: в государственном Посольском приказе у своих государственных дел быти впред с сего времени всяких чинов людем по розбору: переводчиком на Москве и с теми, которые живут в порубежных городех, – пятнатцати человеком»⁵. Указ ограничивал не только численность переводчиков, но и размеры оклада.

Среди уволенных из приказа переводчиков встречаются как молодые, проработавшие в приказе несколько лет (принятый в 1686 г. Резеп Байцын, знавший только татарский язык), так и опытные сотрудники (служивший с 1667/1668 г. Стахей Гадзаловский, владевший польским и латинским, а также привлекавшийся для книжных переводов). В последующие годы четверо из семи уволенных переводчиков вернулись в приказ на освободившиеся места (в том числе Багинин Тахтаралей, вернувшийся в приказ толмачом в 1693 г.). Не вернулись в приказ Стахей Гадзаловский, Иван (Юрьев) Дадианов (греческий язык) и Кутлоамет Устокасимов (татарский). Судя по их высоким годовым окладам, 35, 40 и 50 руб.⁶ соответственно, в 1689 г. навсегда ушли из приказа наиболее квалифицированные из уволенных сотрудников. Это позволяет сделать вывод, что произведенные увольнения нельзя объяснить профессиональной непригодностью сокращаемых, а причины увольнения следует искать в экономике и политике.

С момента указа 1689 г. численность приказных переводчиков возростала очень медленно. Возобновившиеся в 1695 г. наступательные боевые действия против Османской империи и общая активизация внешней политики не оказали на штатное расписание приказа принципиального влияния. Лишь к 1697 г. число переводчиков несколько выросло. Судя по выписке, сделанной в ответ на запрос из Разряда от 18 февраля 1697 г., в Посольском приказе числилось 18 человек (14 – в Москве, 2 – в Новгороде и Пскове и еще 2 – в миссиях с посольствами)⁷. Данный документ не отражал сведений о Захарии Белокурове, которого взяли в приказ по указу 12 января 1697 г.⁸, но уже 20 января отослали в Казанский дворец (до 24 апреля) для поездки в «низовые» города по Волге для «шлюзного» дела⁹. Не позднее августа 1697 г. его «командировали» теперь уже в Воронеж, где он находился «у карабельного каравана» (по крайней мере до 17 декабря 1698 г.)¹⁰.

Масштабы роста численности переводчиков в конце 1690-х гг. нельзя переоценивать. За все время правления Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и регентства царевны Софьи численность переводчиков, подведомственных Посольскому приказу, ни разу не опускалась до столь низких значений.

Малое число приказных переводчиков связано, среди прочего, с тем, что Посольский приказ, при необходимости, широко использовал сторонних специалистов¹¹. Так, в январе 1686 г. к Великому посольству Ф. А. Головина в Китай был приписан переводчик Разрядного приказа Ян (Андрей) Белобочкий. Он принимал участие в переговорах с иезуитами, представлявшими китайскую сторону¹². При Петре эта тенденция усилилась. Молодой царь стремился выстраивать внешнеполитические отношения не через Посольский приказ, а через людей, находившихся в его ближайшем окружении. К примеру, информированием союзников о ходе боевых действий занимался почтмейстер А. А. Винуус, в то время как российские

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 6; 1689 г. Д. 4. Л. 2.

⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 11. Л. 1–3.

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 6.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 8; 1697 г. Д. 17. Л. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 44. Л. 2–3.

¹¹ Сразу оговоримся, что для XVII в. это было обычной практикой.

¹² Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. М., 1972. Т. 2. 1686–1691. С. 72. Комментарий № 7.

дипломатические представители России в Вене и Варшаве узнавали о победах русской армии из местных источников (из прессы или от коллег).

В дипломатических миссиях могли задействовать людей, вообще не связанных с дипломатией или приказной работой. Так, Петр Постников в 1692 г. был отправлен по государеву указу учиться медицине в Падуанский университет. Он знал греческий, латынь, а также итальянский и французский языки. В 1698 г. во время дипломатических переговоров на Карловицком конгрессе Постников выполнял обязанности секретаря и переводчика при П. Б. Возницыне. В дальнейшем российское правительство неоднократно поручало ему различные задания дипломатического характера [Кислова, с. 54–55].

Судя по всему, практика активного привлечения сторонних специалистов полностью решить все проблемы не позволяла. На конец XVII столетия документы со всей очевидностью свидетельствуют об острой нехватке переводчиков для самых разных государственных нужд. Когда 10 января 1696 г. в Посольский приказ пришел указ о присылке во Владимирский судный приказ к окольникову Александру Петровичу Протасьеву переводчика голландского языка «для переводу писем», руководство приказа велело «отписать, что в Посольском приказе галанского языка переводчика нет»¹³.

В том же году, по памяти от 24 декабря 1696 г., Разряд обращался в Посольский приказ с просьбой о присылке в распоряжение Т. Н. Стрешнева двух переводчиков голландского языка: «а быти им у переводу языка у иноземцов мастеров пилованных мельниц. Одному – на Москве, другому – на Воронеже». В ответ, судя по выписке и записи указа от 26 декабря 1696 г., Посольский приказ сообщил, что в его распоряжении имеется лишь один переводчик голландского языка – Петр Вульф, да и тот будет послан с «великими и полномочными послы для переводу писем в окрестные государства» (то есть в Великое посольство)¹⁴.

В мае 1697 г. дипломатическое ведомство «потеряло» единственного московского переводчика шведского языка – Ефима Ефимова сына Мейснера. Он был отправлен в распоряжение приказа Казанского дворца для сопровождения инженера Ягана Брекеда «у шлязного дела». Назначение состоялось, несмотря на ходатайство Л. К. Нарышкина об оставлении его в Посольском приказе как крайне необходимого специалиста¹⁵.

В 1697 г. Посольский приказ смог лишь частично удовлетворить требование о командировании в полк князя Михаила Григорьевича Ромодановского (Новгородский разряд) переводчика польского, литовского и немецкого языков. Специалист требовался ввиду того, что армия Ромодановского должна была обеспечить поддержку вновь избранному польскому королю, саксонскому курфюрсту Августу. В результате Посольский приказ ограничился посылкой переводчика латинского и польского языков Луки Щуковского. По поводу же настойчивых просьб воеводы о переводчике немецкого языка был дан ответ, что в приказе есть только один переводчик немецкого, но послать его нельзя, так как «без него быть не мочно»¹⁶.

Другой запрос Разряда 1697 г. также удалось удовлетворить лишь частично. Для посылки со стольником Назарьем Петровым сыном Мелницким в Тавань оказался нужен переводчик турецкого и татарского языков, который бы языки «знал и читал... письма и переводил». В результате по указу от 10 января 1698 г. на эту службу определили бывшего переводчика Тахтарелея Багинина, вернувшегося в приказ в 1693 г. после сокращения штатов, да и то на место толмача¹⁷.

¹³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 21.

¹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 24. Л. 4–5.

¹⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 37.

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 3.

В 1699–1700 гг. не удалось решить вопрос о присылке в Смоленск нового переводчика со знанием польского и немецкого языков на место умершего Ивана Кулбацкого, поскольку «на Москве ныне полскою и немецкою переводчик один человек Иван Тяжкогорской и тот стар» [Козловский, с. 467].

Проблема кадров остро вставала перед Посольским приказом и позднее. К примеру, ставший в соответствии с Константинопольским мирным договором 1700 г. первым постоянным представителем России в Стамбуле стольник П. А. Толстой долгое время не мог получить замену заболевшему по пути в османскую столицу переводчику латинского, греческого и итальянского языков Моисею Арсеньеву. Первый запрос был отправлен в Москву еще в 1702 г., однако и пять лет спустя, в 1707 г., на очередную просьбу Толстого пришел ответ Г. И. Головина, что «на место перевотчика Моисея Арсеньева истинно, мой государь, прислать на перемену некого. И на Москве ныне ни одного греческого языка перевотчика нет, ибо и Спофарей умре» [Базарова, с. 10].

Еще хуже обстояли дела с турецким языком. Толстому приходилось нанимать сторонних людей, которые перевели бы турецкий текст на греческий язык. После этого Моисеев делал перевод на русский. Проблема сохранилась даже после того, как Толстому нужного специалиста разрешили нанять. Быстро обучить кого-то из русских оказалось невозможно, поскольку «учение турецкой грамоты зело неспособно», а нанять иностранца опасно, для этого пришлось бы «в секретах странному поверить» [Базарова, с. 11–12].

Восстановление численности переводчиков до параметров, характерных для времени правления царя Алексея Михайловича, произошло только в следующем десятилетии. «Список Государственного Посольского приказу служителям их окладам 1710-го и 1711-го годов» зафиксировал в Москве, Петербурге и различных посылках 31 человека¹⁸. Следует, однако, учитывать, что к этому времени российскому правительству приходилось решать гораздо более масштабные дипломатические задачи, чем в правление отца Петра. Кроме того, переводчиков приходилось распределять на две столицы.

Для характеристики возможностей Посольского приказа важным параметром является не только численность переводчиков, но и перечень языков, которыми они владели. К сожалению, в документах Посольского приказа отсутствуют исчерпывающие данные о языках посольских переводчиков. Для тех, кто знал более одного языка, в ведомостях на выдачу жалованья, как правило, упоминали один-два основных языка. Если таких языков было много, то в документах они могли чередоваться. При этом какой-либо четкой системы в таком перечислении не наблюдается. Более подробные сведения о языках переводчиков-полиглотов встречаем в их челобитных. Но и здесь информация далеко не всегда отличается полнотой. Некоторые из известных переводчикам языков могли быть просто не востребованы. Не исключено, что такие языки переводчики опускали в своих челобитных. Соответственно, они не отражались и в зарплатных ведомостях. Но даже в тех случаях, когда какой-либо редкий язык указывался в документах, могла возникнуть проблема с его реальным использованием в работе дипломатического ведомства. Например, за Иваном Тяжкогорским числилось владение венгерским языком [Гуськов, Майер, 2019а], что отражалось в документах на выплату жалованья. Между тем нам не удалось выявить случаев использования данного языка в работе Посольского приказа за рассматриваемый период.

В то же время встречается информация о том, что переводчиков приказа использовали для литературных переводов текстов на языках, которыми они официально не владели. Так, в 1677 г. (что несколько выходит за рамки обозначенного хронологического периода) Посольским приказом был осуществлен перевод книги Антуана де Плювинеля «L'Instruction du Roy / Reitkunst» («Обучение короля / Искусство верховой езды») с немецкого языка.

¹⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 59. Л. 2–3.

К работе привлекли пять переводчиков [Майер, в печати а]¹⁹. Однако только у троих из них – Леонтия Гросса, Ивана Тяжкогорского и Ефима Мейснера – немецкий язык числился в сфере ответственности по работе в приказе. Андрей Виниус и Андрей Кревт (Крефт) являлись специалистами, соответственно, по голландскому и английскому языкам. Это указание на знакомство Виниуса с немецким языком подтверждается независимым источником. В декабрьских курантах 1692 г. сообщалось, что Виниус учит немецкому языку Петра²⁰.

Какой-либо информации о знании второго иностранного языка Кревтом до последнего времени не встречалось, но сомневаться в его знакомстве с немецким вряд ли стоит. Хотя Кревт в мае 1677 г. сдал свою часть книги обратно в приказ в непереуведенном виде (сославшись на трудности перевода), невозможно даже предположить, что служащие Посольского приказа могли поручить осуществление перевода лицам, совсем не владеющим требуемым языком. В работе над книгой участвовал еще один переводчик – Семен Лаврецкой. Но ему, как специалисту по польскому и латинскому языкам, было поручено разобраться с латинскими виршами к фламандским гравюрам XVI в., которые оказались переплетенными под одной обложкой с книгой Плювинеля [Майер, в печати б]. Таким образом, можно считать установленным, что круг различных языков, которыми владели соответствующие специалисты дипломатического ведомства, был шире, чем это фиксировалось в официальных документах (челобитных, указах, выписках).

Еще сложнее определить, насколько глубоко переводчик владел тем или иным языком. На данном этапе изучения Посольского приказа мы располагаем лишь отдельными наблюдениями по данному вопросу, поскольку ответить на него может лишь профессиональный лингвист, имеющий в своем распоряжении иноязычные оригиналы и черновики переводов, создание которых можно уверенно связать с конкретным переводчиком. При этом надо учитывать, что переводчик, который хорошо справлялся со стандартными дипломатическими документами, мог столкнуться с серьезными затруднениями переводя книжный текст, особенно если этот текст относился к какой-либо специфической теме (см.: [Майер, в печати а; Майер, в печати б]). Отдельную проблему представляли литературные и тем более поэтические переводы.

Из европейских языков наиболее широко в Посольском приказе была представлена латынь. В разные годы насчитывалось от 6 до 8 переводчиков, знавших этот язык. Всего за период между 1680 и 1699 гг. в приказе поработало 13 латинистов. Однако мы не знаем ни одного случая, когда латинский язык был бы единственным для переводчика Посольского приказа. Он всегда шел в комбинации с немецким или польским. Еще одна общая черта для знавших латынь заключалась в том, что к книжным переводам обычно привлекали именно их. Более чем о половине из них есть специальные статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси. В том числе материалы, посвященные Гадзаловскому [Белоброва, 1992а], Гивнеру [Белоброва, 1992б], Гроссу [Лаврентьев, Матвеева], Гуданскому [Николаев, 1992], Лаврецкому [Николаев, 1993], Чижинскому [Буланин, Николаев], Тяжкогорскому [Буланин, Романова].

В целом, данных об участии в книжных переводах нет только для Луки Щуковского (принятого в приказ в 1693 г.)²¹ и Ивана Орешка (зачисленного в 1698 г.)²². Вероятнее всего, отсутствие сведений об участии этих переводчиков в работе над книгами связано с небольшим стажем приказной работы. Напротив, если исключить неудачный опыт привлечения к книжному переводу Кревта, из 26 переводчиков, латынью не владевших, нет ни одного участвовавшего

¹⁹ Весь анализ этого сюжета основан на материалах данной статьи, любезно предоставленной автором до выхода ее в свет.

²⁰ РГАДА. Ф. 155 (Иностранные ведомости (куранты) и газеты – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел). Оп. 1. 1693 г. Д. 10. С. 76.

²¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 15–16.

²² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 32. Л. 4 об. Приводил к вере «римского закона ксенз» Францискус Емелиянус.

в подобных работах. Напрашивается вывод, что присутствие в приказе большого числа латинистов объясняется не столько необходимостью делать соответствующие переводы, сколько тем, что латынь в то время была в Европе языком религии и науки. Любой европеец, получив образование, автоматически знакомился в той или иной мере с латинским языком.

Уровень знания языка у латинистов, безусловно, различался. Однако указать среди них кого-нибудь, чье знание языка удовлетворяло бы требованиям современного литературного перевода, по нашему мнению, невозможно. В качестве примера можно привести «Элогиум митавских иезуитов в документах Великого посольства 1697 г.» [Алпатов, Шамин]. Известно два независимых перевода этого произведения: Петра Вульфа в 1697 г. (перевод сделан для Петра и других участников Великого посольства) и Ивана Тяжкогорского в 1698 г. (перевод для курантов, зачитывавшихся на заседании думы). Оба переводчика не передали стихотворную форму произведения. Кроме того, каждый из них не понял или же не смог адекватно перевести на русский язык целый ряд элементов элогиума.

Из живых европейских языков наиболее широко были представлены немецкий (таких переводчиков в приказе постоянно было от 4 до 8 человек), польский (от 3 до 6), голландский (от 2 до 3) и греческий (от 2 до 3). Причем для каждого из этих языков имеются специалисты, знавшие лишь один язык – немецкий (Петр Шафиров, который позже овладел еще и голландским, а также Родион Душардон, которого взяли в приказ в 1691 г.²³, но не позднее 1 мая 1692 г. отставили²⁴), голландский (Захарей Белокуров), греческий (Иван Дадианов (он же Иван Юрьев), Федор Константинов сын Христофоров) или, в случае с польским, с дополнением в виде латыни (Стахей Гадзаловский, Иван Гуданский). В последнем варианте мы, вероятно всего, сталкиваемся с избытком кандидатов, что позволяло выбирать не только знавших основной язык, но и имевших хорошее образование. Именно на этих языках шла основная переписка Посольского приказа.

Условно в данную группу можно записать еще и «белорусский» язык. С него (помимо польского и латинского) переводили Гаврила Болотинский, Семен Лаврецкий, Степан Чижинский и Лука Щуковский. Так назывался письменный язык восточных славян, живших на территории Речи Посполитой, на котором до 1697 г. составлялась вся официальная документация Великого княжества Литовского²⁵. Гадзаловский и Гуданский, безусловно, владели этим языком, хотя официально это и не фиксировалось.

Еще два востребованных в Посольском приказе живых европейских языка – шведский и английский – стоят несколько особняком. Для каждого из них имеются специалисты, за которыми был записан именно этот язык. Так, переводчиком шведского был Вилим Ибраимов, а английского – Андрей Крефт (Крефт). Однако для обоих языков фиксируются периоды, когда в Москве вообще отсутствовали посольские переводчики по ним. В случае английского языка – Андрей Крефт регулярно «командировался» в Архангельск «для английской компании переводов в торговых делах»²⁶ на время работы ярмарок. Шведский язык был представлен шире. Иногда по одному переводчику могло быть в Москве, Новгороде Пскове. Однако в отдельные годы переводчик фиксируется только в Москве и Новгороде или же только в Пскове и Новгороде (последний вариант встречается с 1681/1682 по 1687/1688 г.). Очевидно, что значительная часть работы по переводу шведских и английских документов производилась на границе, там, где велась основная торговая деятельность.

²³ Был взят на место умершего Юрия Гифнера (Гивнера): «которой пожалован был переводчика ж на Юрьеве место Гифнера в указное число и отставлен» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 4. Л. 4).

²⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 4. Л. 4; Д. 5. Л. 1–2.

²⁵ В западноевропейской лингвистике для него используется термин «рутенский», который все больше применяется и в российской практике.

²⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1690 г. Д. 14. Л. 1–2.

Остальные европейские языки следует отнести к числу редких. Наличие в номенклатуре Посольского приказа венгерского и французского (возможно, и итальянского) языков обеспечивал Тяжкогорский. Волошский присутствовал благодаря тому, что его знали в дополнение к греческому Николай Спафарий и Константин Христофоров.

Следует подчеркнуть, что для «европейских» переводчиков владение единственным языком было исключением. Обычно они владели двумя – Тимофей Англер (немецкий и голландский), Яков Гитнер (шведский и немецкий), Илья Гитнер (шведский и немецкий), Андрей Ботвинкин (греческий и латинский), Ефим Ефимов Мейснер (шведский и немецкий), Ефим Хриштофор Мейснер (шведский и немецкий), Тавиас Мейснер (шведский и немецкий), Константин Христофоров (греческий и волошский), трем – Петр Вульф, Юрий Гивнер, Левонтей Гросс (латинский, немецкий и голландский), Иван Орешек (латинский, немецкий и польский) или более языками – Николай Спафарий (греческий, «еллинский», латинский, волошский), Иван Тяжкогорский (латинский, немецкий, польский, французский, венгерский, «белорусский»; знал также итальянский и, возможно, греческий).

Из языков ближневосточного региона самым востребованным был татарский. Число татарских переводчиков варьировалось от 5 до 9 человек. Это Дмитрий Асанов (он же Сеитов, переводчик татарского, турецкого и арабского), Тахтаралей Багинин (татарского и турецкого), Резеп Байцын (татарского), Сунчалей Иванаев (татарского), Кадралей Сакаев (татарского), Кучукай Сакаев (татарского), Петр Татаринов (татарского и турецкого), Рамазан Тевкелев (татарского и турецкого), Сулейман Тонкачев (татарского).

Как очевидно из этого списка, многие из переводчиков владели лишь татарским. «Вторым» восточным языком мог выступать турецкий (от 2 до 4 человек) и арабский. В качестве уникального специалиста следует назвать абыза (учителя и толкователя Корана) Девлета Меликова, который знал персидский и арабский языки. Он проработал в приказе с 1649²⁷ по 1683 г.²⁸ Еще одним уникальным для Посольского приказа языком был грузинский. Знавший его Давид Бостоганов работал в приказе в 1681²⁹ и 1682³⁰ гг. После смерти этих людей аналогичных специалистов в приказе не появилось.

Все дальневосточные языки – калмыцкий, монгольский и тибетский (тангутский) – были для Посольского приказа уникальными. Их наличие обеспечивал единственный человек – бывший литовский шляхтич Павел Кулвинский [Рерих, Шастина, с. 141]. В Посольский приказ его взяли из тобольских детей боярских в 1678/1679 г.³¹, однако уже в 1682/1683 г. перевели в Разряд³². Здесь до 19 августа 1688 г. он числился в «кормовых иноземцах» [Орленко, с. 99], выполняя службы по Иноземному приказу и Казанскому дворцу³³, и лишь 19 августа 1688 г. был возвращен в Посольский приказ³⁴.

Возвращение состоялось вопреки воле переводчика. В 1688 г. он за «многие вышписанные службишки и за кровь и за раны и за великое мое разорение... пожалован» был кормлением на воеводство «Астраханского розряду на Красной Яр». Кулвинский получил все необходимые документы – наказ, росписную и подорожную грамоты. Однако назначение не состоялось, так как одновременно «по... указу ис Посольскаго приказу по памяти» взят

²⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 6. Л. 91.

²⁸ Там же. Л. 34.

²⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 1.

³⁰ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Малороссийского приказа и Приказа сбора ратных людей). Оп. 1 Д. 6-а. Л. 56, 278 об.

³¹ Взят «ис Сибирского приказу в Посольской приказ для переводов Калмытцких и Мунгальских писем в переводчики» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 16. Л. 15).

³² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3.

³³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 13. Л. 8; 1696 г. Д. 16. Л. 46.

³⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 13. Л. 4, 8.

«из Иноземского приказу в Посольской приказ... в переводчиках». В поздних челобитных Кулвинский жаловался, что «...остановлен я, холоп ваш, безвинно», «...и от того задержания в воеводстве в подъеме и в харчах разорился я без остатку»³⁵.

Как видим, возвращение Кулвинского в Посольский приказ выглядит спонтанно, хотя очевидно, что специалист по калмыцкому языку в Москве был нужен для перевода писем калмыцкого хана Аюки. Возможно, такое решение было вызвано предполагаемым отъездом Кулвинского из Москвы. Вероятнее всего, до того момента, как Кулвинского назначили на воеводство, он переводил калмыцкую корреспонденцию, не входя в штат Посольского приказа.

Вообще, складывается впечатление, что руководство Посольского приказа не предпринимало сколько-нибудь серьезных усилий для того, чтобы поддерживать языковое разнообразие. К примеру, в июле 1676 г. в Посольском приказе возникла необходимость перевести два письма от датского короля, написанных на французском языке. Для этого в приказ был приглашен неоднократно привлекавшийся российским правительством Павел Менезий. Участие в переводе дипломатической почты «постороннего человека» приказное руководство объясняло тем, что «в Посольском приказе французского переводчика нет» [Чарыков, с. 267].

Между тем в Малороссийском приказе в это время работал переведенный туда из Посольского приказа Иван Тяжкогорский, французским языком владевший. На момент прихода писем данный переводчик пребывал в зоне боевых действий в полку князя Григория Григорьевича Ромодановского на Украине. Туда же переводчика направили в 1677 г. Военные посылки продолжались и после того, как в 1678 г. Тяжкогорского вернули в Посольский приказ. В 1679 г. он находился в полку М. А. Черкасского [Шамин, 20196]. Книжные переводы Тяжкогорского однозначно свидетельствуют о том, что его обширные языковые познания представляли несомненную ценность. Однако в Посольском приказе они зачастую оказывались не востребованы.

Хотя общее число специалистов в 1680–1690-х гг. уменьшилось, зафиксированный нами перечень языков был обычным для всего XVII в. Если сравнить полученную нами картину с периодом правления Алексея Михайловича, то различия мы практически не увидим. Единственное очевидное различие – исчезновение датского языка. Однако и при Алексее Михайловиче датский язык зафиксирован лишь для переводчиков-полиглотов, таких как Иван Адамов фон Делен и Матвей Вейрес (переводчики латинского, немецкого, датского и шведского языков) [Беляков, с. 279, 290] и др. Характерно, что, когда Андрея Ульфо́ва, сына переводчика шведского, датского, немецкого и голландского языков Ульфа Виберха, отправляли учиться за границу, целью было обозначено изучение «свейского и немецкого и латынского языку» [Якубов, с. 152]. Очевидно, что датский язык просто не был востребован.

Последнее, на чем следует остановиться при характеристике переводчиков рассматриваемого периода, – их происхождение. Как оказалось, почти все переводчики, работавшие в приказе между 1680 и 1699 гг. (39 человек), происходили из выехавших в Россию иноземцев в первом-втором поколении или же из находящихся в подданстве российских царей татар. Единственным исключением стал выходец из посадских г. Архангельска Захарей Белокуров³⁶. А. В. Беляков, анализируя происхождение переводчиков, работавших в Посольском приказе во второй половине 1640-х – 1670-х гг., отмечал: «Зафиксировано 58 переводчиков западных языков. Почти все они выходцы из Европы в первом-третьем поколении. О русском происхождении можно говорить только по отношению к Богдану Лыкову (из жильцов), Велисару Едреновскому (из дворян), Ивану Максиму (луганин), Вторке Леонтьеву (холомгорец)» [Беляков, с. 97]. Как видим, в 1680–1690-х гг. картина практически не изменилась.

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 13. Л. 8; 1696 г. Д. 16. Л. 16.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 2.

Сделанные нами наблюдения показывают, что в 1680–1690-х гг. руководство страны придерживалось в отношении переводчиков Посольского приказа политики жесткой экономии средств и сдерживания роста штатов. В приказе старались держать тех специалистов, чей труд был востребован постоянно. В случае же нехватки штатных переводчиков руководство приказа предпочитало разово приглашать специалиста со стороны, а не увеличивать число постоянных сотрудников. Радикальное сокращение численности переводчиков, проведенное в 1689 г., привело к острой нехватке специалистов, что сказывалось на самых разных областях государственной жизни. На возврат к ситуации, характерной для времени правления царя Алексея Михайловича, ушло почти два десятилетия.

Литература

- Алматов С. В., Шамин С. М. Элогиум митавских иезуитов в документах Великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 96–110.
- Андреев А. Н. Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 4. С. 6–16. DOI: 10.14529/ssh170401
- Базарова Т. А. Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 9–16.
- Белоброва О. А. Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Спафарий Н. Г. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 1–22.
- Белоброва О. А. Гивнер // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 203–204. [Белоброва, 1992б]
- Белоброва О. А. Гадзалоцкий (Гадзяловский) Стахий // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 191. [Белоброва, 1992а]
- Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. [4], 170 с.
- Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. 367 с.
- Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 187–209.
- Булагин Д. М., Николаев С. И. Чижинский Степан Федорович // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 229–232.
- Булагин Д. М., Романова А. А. Тяжкогорский (Тяшкогорский) Иван Михайлов // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 52–53.
- Гуськов А. Г., Майер И. Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 62–81. [Гуськов, Майер, 2019а] DOI: 10.25986/IRI.2019.78.4.006
- Гуськов А. Г., Майер И. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 45–53. [Гуськов, Майер, 2019б]
- Кислова Е. И. Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII – XVIII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 53–59.
- Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в. Варшава, 1913. Т. 2. [4], 524, II с.
- Куненков Б. А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 586 с.
- Лаврентьев А. В. Леонтий Гросс, переводчик Посольского приказа // Лаврентьев А. В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 37–50.

- Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н. Гросс Леонтий // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 241–244.
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. 264, [3] с.
- Лукичев М. П. Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII века С. Ф. Чижинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1997. С. 42–49.
- Майер И. Русский перевод книги Антуана де Плювинеля *L'Instruction du Roy / Reitkunst* с немецкого языка (в печати). [Майер, в печати а]
- Майер И. Латинские стихотворения из *Equile Ioannis Austriaci* в русском переводе 1677 г. (в печати). [Майер, в печати б]
- Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. 292 с.
- Николаев С. И. Гуданский Иван // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 244–245.
- Николаев С. И. Лаврецкий Семен Федорович // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 213–214.
- Оборнева З. Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2019. 271 с.
- Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 341, [2] с.
- Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689) // ТОДРА. Л., 1963. Т. 19. С. 330–347.
- Рерих Ю. Н., Шастина Н. П. Грамота царя Петра I к Лубсан-гайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 140–150.
- Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с.
- Урсул Д. Т. Николай Милеску Спафарий. Кишинев, 1985. 179 с.
- Цветаев Д. В. Розыскное дело Квирина Кульмана // ЧОИДР. 1883. Кн. 3. С. 107–150.
- Чарыков Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906. X, 776, II с.
- Шамин С. М. Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 442–444. [Шамин, 2019а]
- Шамин С. М. Переводчики на Турецкой войне. Абдрахман Тевкелев в полку князя Г. Г. Ромодановского (1674 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. С. 574–575. [Шамин, 2019б]
- Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007. 557, [2] с.
- Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М., 1897. X, 493 с.
- Boterbloem K. Moderniser of Russia Andrei Vinius, 1641–1716. Basingstoke (Hampshire) and New York, 2013. VII, 271 p.

References

- Boterbloem, K. Moderniser of Russia Andrei Vinius, 1641–1716. Basingstoke (Hampshire) and New York, 2013. VII, 271 p.
- Alpatov, S. V., Shamin, S. M. Elogium mitavskikh iezuitov v dokumentakh Velikogo posol'stva 1697 g. [Elogium by Mitau Jesuits in the Documents of the Grand Embassy (1697)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014. No. 4 (58). Pp. 96–110.
- Andreev, A. N. Moskovskaya rimsko-katolicheskaya obshchina v kontse XVII v.: formirovanie, sostav i konfessional'naya zhizn' [Moscow Roman Catholic Community in the Late 17th Century: the Formation, Composition and Religious Life]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2017. Vol. 17. No. 4. Pp. 6–16. DOI: 10.14529/ssh170401
- Bazarova, T. A. Perevodchiki russkikh poslov v Stambule v nachale XVIII v. [Translators of Russian Ambassadors in Istanbul in the Early 18th Century]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. Moscow, 2019. Pp. 9–16.

- Belobrova, O. A. Lichnost' i nauchno-prosvetitel'skie trudy Nikolaya Spafariya [Personality and Scientific and Educational Works of Nikolai Spafari]. In *Spafarii N. G. Esteticheskie traktaty*. Leningrad, 1978. Pp. 1–22.
- Belobrova, O. A. Givner [Givner]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Issue 3. Part 1. Pp. 203–204. [Belobrova, 1992b]
- Belobrova, O. A. Gadzalovskii (Gadzyalovskii) Stakhii [Gadzalovsky (Gadzyalovsky) Stachys]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Issue 3. Part 1. Pp. 191. [Belobrova, 1992a]
- Belokurov, S. A. O posol'skom prikaze [About the Ambassadorial Chancery]. Moscow, 1906. [4], 170 p.
- Belyakov, A. V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. [Employees of the Ambassadorial Chancery in 1645–1682]. Saint Petersburg, 2017. 367 p.
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: personal'nyi sostav (predvaritel'nye dannye) [Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century: Personnel (Preliminary Data)]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. Moscow, 2019. Pp. 187–209.
- Bulanin, D. M., Nikolaev, S. I. Chizhinskii Stepan Fedorovich [Chizhinsky Stepan Fedorovich]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Issue 3. Part 4. Pp. 229–232.
- Bulanin, D. M., Romanova, A. A. Tyazhkogorskii (Tyashkogorskii) Ivan Mikhailov [Tyazhkogorsky (Tyashkogorsky) Ivan Mikhailov]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Issue 3. Part 4. Pp. 52–53.
- Gus'kov, A. G., Maier, I. Yazyki i perevodchiki: o zhizni i deyatel'nosti krupneishogo poliglota Posol'skogo prikaza Ivana Tyazhkogorskogo [Languages and Translators: on the Life and Work of Ivan Tyazhkogorskii, One of the Ambassadorial Chancery's Greatest Polyglots]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 62–81. [Gus'kov, Maier, 2019a] DOI: 10.25986/IRI.2019.78.4.006
- Gus'kov, A. G., Maier, I. Novye dannye o perevodchike Posol'skogo prikaza Leontii Grosse [New Information about the Translator of the Ambassadorial Chancery Leonty Gross]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. Moscow, 2019. Pp. 45–53. [Gus'kov, Maier, 2019b]
- Kislova, E. I. Dinastiya Postnikovyykh: znatoki inostrannykh yazykov i perevodchiki kontsa XVII – XVIII vv. [The Postnikovs Dynasty: Experts in Foreign Languages and Translators of the Late 17th – 18th Centuries]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 sentyabrya 2019 g.)*. Moscow, 2019. Pp. 53–59.
- Kozlovskii, I. P. Pervye pochty i pervye pochtmeistery v Moskovskom gosudarstve. Opyt issledovaniya nekotorykh voprosov iz istorii russkoi kul'tury vo 2-i polovine XVII v. [The First Post Offices and the First Postmasters in the Moscow State. Experience of Research of Some Questions from the History of Russian Culture in the 2nd Half of the 17th Century]. Varshava, 1913. Vol. 2. [4], 524, II p.
- Kunenkov, B. A. Posol'skii prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo [The Ambassadorial Chancery in 1613–1645: Structure, Employees, Paperwork]. Dissertation for the Degree of Doctor of History. Bryansk, 2007. 586 p.
- Lavrent'ev, A. V. Leontii Gross, perevodchik Posol'skogo prikaza [Leonty Gross, the Translator of the Ambassadorial Chancery]. In *Lavrent'ev, A. V. Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoi istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy*. Moscow, 1997. Pp. 37–50.
- Lavrent'ev, A. V., Matveeva, E. N. Gross Leontii [Gross Leonty]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Issue 3. Part 1. Pp. 241–244.
- Liseitsev, D. V. Posol'skii prikaz v epokhu Smuty [The Ambassadorial Chancery during the Time of Troubles]. Moscow, 2003. 264, [3] p.
- Lukichev, M. P. Novye arkhivnye dokumenty o zhizni i tvorchestve perevodchika XVII veka S. F. Chizhinskogo [New Archival Documents about the Life and Work of the Translator of the 17th Century S. F. Chizhinsky]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*. Moscow, 1997. Pp. 42–49.
- Maier, I. Russkii perevod knigi Antuana de Plyuvinelya *L'Instruction du Roy / Reitkunst* s nemetskogo yazyka [Russian Translation of the Book by Antoine de Pluvinel *L'Instruction du Roy / Reitkunst* from German] (in print). [Maier, v pechati a]

- Maier, I. Latinskie stikhotvoreniya iz Equile Ioannis Austriaci v russkom perevode 1677 g. [Latin Poems from *Equile Ioannis Austriaci* in Russian Translation of 1677] (in print). [Maier, v pechati b]
- Mulyukin, A. S. Priezd inostrantsev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov [Arrival of Foreigners in the Moscow State. From the History of Russian Law of the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg, 1909. 292 p.
- Nikolaev, S. I. Gudanskii Ivan [Gudansky Ivan]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Issue 3. Part 1. Pp. 244–245.
- Nikolaev, S. I. Lavretskii Semen Fedorovich [Lavretsky Semen Fedorovich]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Issue 3. Part 2. Pp. 213–214.
- Oborneva, Z. E. Perevodchiki s grecheskogo yazyka Posol'skogo prikaza (1613–1645 gg.) [Translators from the Greek of the Ambassadorial Chancery (1613–1645)]. Moscow, 2019. 271 p.
- Orlenko, S. P. Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII veka (pravovoi status i real'noe polozhenie) [Immigrants from Western Europe in Russia of the 17th Century (Legal Status and Real Situation)]. Moscow, 2004. 341, [2] p.
- Panchenko, A. M. Kvirin Kul'man i "cheshskie brat'ya" (1651–1689) [Quirin Kuhlman and the "Czech Brothers" (1651–1689)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1963. Vol. 19. Pp. 330–347.
- Reikh, Yu. N., Shastina, N. P. Gramota tsarya Petra I k Lubsan-taidzhi i ee sostavitel' [The Letter of Tsar Peter I to Lubsan-taiji and Its Compiler]. In *Problemy vostokovedeniya*. 1960. No. 4. Pp. 140–150.
- Rogozhin, N. M. Posol'skii prikaz: kolybel' rossiiskoi diplomatii [The Ambassadorial Chancery: the Cradle of Russian Diplomacy]. Moscow, 2003. 432 p.
- Ursul, D. T. Nikolai Milesku Spafarii [Nicholas Milescu Safari]. Kishinev, 1985. 179 p.
- Tsvetaev, D. V. Rozysknoe delo Kvirina Kul'mana [The Search Case of Quirin Kuhlman]. In *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. 1883. Book 3. Pp. 107–150.
- Charykov, N. V. Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Meneziya (1637–1694) [Embassy to Rome and Service in Moscow of Paul Menezes (1637–1694)]. Saint Petersburg, 1906. X, 776, II p.
- Shamin, S. M. Novye dannye o kar'ere Andreya Andreevicha Viniusa: 1664–1674 gg. [New Data on the Career of Andrei Andreevich Vinus: 1664–1674]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 11–12 aprelya 2019 g.* Moscow, 2019. Pp. 442–444. [Shamin, 2019a]
- Shamin, S. M. Perevodchiki na Turetskoi voine. Abdrakhman Tevkelev v polku knyazya G. G. Romodanovskogo (1674 g.) [Translators in the Turkish War. Abdrakhman Tevkelev in the Regiment of Prince G. G. Romodanovsky (1674)]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Issue 6. Shestyte chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pp. 574–575. [Shamin, 2019b]
- Yurkin, I. N. Andrei Andreevich Vinus, 1641–1716 [Andrei Andreevich Vinus, 1641–1716]. Moscow, 2007. 557, [2] p.
- Yakubov, K. I. Rossiya i Shvetsiya v pervoi polovine XVII veka. Sbornik materialov, izvlechennykh iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del i Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva i kasayushchikhsya istorii vzaimnykh otnoshenii Rossii i Shvetsii v 1616–1651 g. [Russia and Sweden in the First Half of the 17th Century. Collection of Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs and the Swedish State Archive and Related to the History of Mutual Relations between Russia and Sweden in 1616–1651]. Moscow, 1897. X, 493 p.

Andrej G. Gus'kov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Stepan M. Shamin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TRANSLATORS OF THE AMBASSADORIAL CHANCERY IN THE 1680s – 1690s

The article is devoted to translators at the Posol'skii Prikaz (the Ambassadorial Chancery). It covers the origin of translators and their number in the specified period, their proficiency in foreign languages, participation in various types of work (translations of diplomatic documents, newspapers, books, etc.) during the last decades of the 17th century. It shows the dynamic of changes in the quantity of translators in relation to the transformation of the governmental domestic and foreign policy. The analysis was carried out for both the employees of the central department who worked in the capital of the Moscow State, and for those who were sent to the border cities – Arkhangelsk, Novgorod, Pskov, Smolensk, and Azov. The authors come to the conclusion that the leaders of the country in the 1680s – 1690s adhered to the policy of austerity and restrained the growth of staff translators of the Posol'skii Prikaz. This led to an acute shortage of translators even in the most important diplomatic areas.

Keywords: Russian State, 17th century, translators, Ambassadorial Chancery (Posol'skii Prikaz) in Moscow, foreign languages